

СТОП-КАДР. НОСТАЛЬГИЯ

Эноб.

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ АСТ

- 5 Бусы из хрусталя. *Предисловие Сергея Николаевича*
- 10 АНДРЕЙ ТАРКОВСКИЙ-мл. Последний съемочный день, 1982
- 11 АЛЕНА ДОЛЕЦКАЯ. Секс на Красной площади, 2010
- 14 АНТОН КРАСОВСКИЙ. Таня, 1996
- 18 МИХАИЛ СОКОЛОВ. Хорошевская элегия, 1991
- 19 АНАТОЛИЙ СМЕЛЯНСКИЙ. Комедия распада, 1987
- 23 СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Роман с Баттерфляй, 1992
- 26 ГИДОН КРЕМЕР. Осколки детства, 1959

СТОП-КАДР.

- 51 ТАТЬЯНА ТОЛСТАЯ. Невидимая дева
- 89 ВАЛЕНТИН БАРЫШНИКОВ. Запах угольной пыли
на вокзальной площади
- 105 ОЛЬГА ТОБРЕЛУТС. Заговор
- 115 ЕВГЕНИЙ ВОДОЛАЗКИН. Опыт описания дачной местности
- 126 ИГОРЬ САХНОВСКИЙ. Ненаглядный призрак
- 138 ОЛЬГА ВЕЛЬЧИНСКАЯ. Эпизоды
- 161 СИМОНА СИНЬОРЕ. Ностальгия уже не та
- 178 ТАТЬЯНА ЩЕРБИНА. Черная дыра
- 191 ВИТАЛИЙ КОМАР. Однажды в детстве...
- 205 АНДРЕЙ БИТОВ. Странноприимный дом
- 224 САША ФИЛИПЕНКО. Петю укусила собака
- 231 МАРИЯ АРБАТОВА. Две жизни полковника Рыбкиной
- 245 МИХАИЛ ШИШКИН. Родина ждет вас!

- 27 АЛЕКСЕЙ ГОРИБОЛЬ. Снимок, 1991
- 30 МИХАИЛ ПРОХОРОВ. Дембельский альбом, 1989
- 34 ЗОЯ БОГУСЛАВСКАЯ. Парижский сезон “Триумфа”, 1998
- 35 АЛЛА ДЕМИДОВА. Юбилей, 1986
- 39 АНДРЕЙ ХААС. Миллениум, 1999
- 42 ОЛЬГА ВЕЛЬЧИНСКАЯ. “Алка нам попоет”, 1969
- 43 АНДРЕЙ ПЛАХОВ. Россия: Европа или не Европа? 1991
- 48 МИХАИЛ КУСНИРОВИЧ. Как когда-нибудь в мае, 2001

НОСТАЛЬГИЯ

- 261 АНДРЕЙ ИВАНОВ. Человек из Ростока
- 275 ВЛАДИМИР СОРОКИН. Рингштрассе
- 284 ЯРОСЛАВА ПУЛИНОВИЧ. Город безымянных улиц
- 303 НАТАЛЬЯ ТЮРИНА. Глобальное потепление
- 320 ДМИТРИЙ ВОДЕННИКОВ. А и Б сидели на трубе
- 326 ДМИТРИЙ БЫКОВ. Князь Тавиани
- 345 ЛЮДМИЛА ПЕТРУШЕВСКАЯ. С берега на берег
- 352 КИРА САПГИР. Явочная квартира авангарда,
или Как детская литература стала серьезным делом
- 374 ДЭНИЕЛ ХОУП. Старый скрипач
- 409 ВАСИЛИЙ АРКАНОВ. Курикулум Виты
- 426 АЛЛА ДЕМИДОВА. Ностальгии нет — есть память детства
- 433 МАЙЯ ТУРОВСКАЯ. В Москву, в Москву!
- 461 МАРИНА ПОПОВА. Nostalgia File
- 470 *Коротко об авторах*

УДК 82-31
ББК 84(с)
С11

Автор идеи СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Составители СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ, ЕЛЕНА ШУБИНА

Художник АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

Редакторы СЕРГЕЙ АЛЕЩЕНОК, МАРИЯ ПОЛЯКОВА

С11 СТОП-КАДР. НОСТАЛЬГИЯ : [рассказы, эссе] / Составители С. Николаевич, Е. Шубина. — М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2015. — 476 [4] с. : ил. — (Сноб.)

“Сноп-кадр. Ностальгия” — книга для медленного чтения. Она развивает темы, начатые другими литературными сборниками серии журнала “Сноп”, но и нащупывает новый внутренний сюжет, ставший особенно актуальным в последнее время. Что такое ностальгия? Когда и почему мы ее испытываем? Обязательно ли она должна обладать знаком плюс? Существует ли ностальгия ненависти? Можно ли окончательно освободиться от плена не прошедшего времени? Каждый автор, среди которых А. Демидова, А. Тарковский, Е. Водолазкин, М. Шишкин, Д. Быков, Т. Толстая, В. Сорокин, А. Битов, Л. Петрушевская, А. Иванов, М. Арбатова, рассказывает о своем опыте преодоления прошлого. В оформлении книги использованы редкие архивные фотографии, запечатлевшие как всем знакомые, так и безвестные лица. Но собранные все вместе, они дают ощущение общности одной истории и одной судьбы.

ISBN 978-5-17-090305-4

Любое коммерческое использование текстов, оформления книги — полностью или частично — возможно исключительно с письменного разрешения Издателя. Нарушения преследуются в соответствии с законодательством и международными договорами РФ

© Сноп
© ООО “Издательство АСТ”
© А. Бондаренко, оформление

Бусы из хрусталя

Я хорошо помню, как папа сказал: “А теперь вы оба встаньте рядом с елкой”. И мы с мамой покорно встали. Вообще, мама до сих пор не любит фотографироваться. Считается, что она плохо получается. Но тогда она не стала капризничать, все-таки Новый год. К тому же мы только что получили подарки, и один из них уже красовался на ней — чешские бусы темно-фиолетового хрусталя, которые мы с папой долго выбирали накануне. Мне достался свитер, купленный в “Березке”, из которого я очень быстро вырос. Не помню, что с ним потом стало, а бусы живы, как и другие папины подарки, которые мама продолжает хранить. Зачем? Для чего? Непонятно. “Еще пригодятся!” Под эту бодрую присказку, знакомую всем, кому довелось пожить во времена развитого социализма, ненужные вещи каждый раз отправляются куда-то на антресоли или в глубину необъятного шкафа в вечную ссылку без всякой надежды на возвращение. Все эти даты, праздники, годовщины, сентиментальный и мучительный хлам, предназначенный лишь для того, чтобы служить доказательством, что нас любили, что мы любили сами...

Собственно, и книга, которую вы держите в руках, она о том же самом. Красивое слово “ностальгия” на обложке — на самом деле только предлог, чтобы перебрать давние воспоминания, потрогать забытые бусы, прикос-

нуться к прошлому, которое у каждого свое, но болит у всех более или менее одинаково.

Как известно, слово “ностальгия” состоит из двух корней, и оба имеют греческое происхождение: *nostos* — возвращение домой, — и *algia* — тоска. Первыми в обиход его запустили швейцарские врачи в конце XVII века, диагностируя эту болезнь у своих соотечественников, дюжих наемников, воевавших вдали от дома. Недаром “ностальгия” имеет еще один синоним — “швейцарская болезнь”. Очень уж им было грустно без своих Альп и любимого грюйера. Долгое время ностальгия рассматривалась даже не как состояние души, а как неопасный физический недуг, за который даже лазарет не полагался. Ну потосковал, поплакал, и будет. Иди, воюй себе дальше!

В XIX веке русская эмигрантская литература, перебравшаяся в Европу, редко выходила за рамки политического памфлета. Ей было не до ностальгии, она жила настоящим, призывая бороться с царским самодержавием. Только однажды, как мерный удар колокола, прозвучит горькое признание Александра Герцена в его “Былом и думах”: “Все любимые места — лобные места”. Понятно, что он это написал не только про себя, но и про сотню других таких же, как он, русских эмигрантов, сбежавших от всевидящего ока царской охранки. В сущности, вся настоящая русская литература написана под барабанную дробь цензурных запретов и указов. И кто бы мог представить, что спустя годы именно этот период в русской истории будет назван “золотым веком”, обретя под пером классиков XX века черты грандиозной литературной утопии. Тоска по прошлому одухотворит общеизвестные шедевры Бунина, Набокова, Шмелева, в чьих книгах память совершает свой исторический кульбит в прекрасную бесконечность под названием “Россия, которую мы потеряли”.

Авторы “Стоп-кадр. Ностальгия” тоже попытаются повторить этот номер. Благо бескрайние просторы отечественной истории позволяют проделывать его с известной легкостью. Конечно, помнить о прошлом вовсе не означает ностальгировать по нему. Но сегодня эти понятия стали почти синонимами. Отсюда и мода на недолгую эпоху “оттепели”, начавшуюся с хрущевского “реабилитанса” середины пятидесятых до ввода советских танков в Прагу в августе

1968 года. Отсюда и бесконечные перепевы “Старых песен о главном”, ставшие основным лейтмотивом на российском ТВ. Отсюда и державные гимны последнего времени, имеющие своей целью пробудить имперский рефлекс даже у тех, кто по возрасту и опыту не успел хоть сколько-нибудь пожить в советской империи. Впрочем, как нетрудно убедиться, большинство авторов “Сноба” к имперскому прошлому относятся без всякого трепета. Многие из них хорошо помнят, как все обстояло на самом деле. Им есть что рассказать про то время, и возвращаться туда, похоже, никому особо неохота.

А чего хочется? Счастья, конечно. Чего же еще? Ведь ностальгия — это не столько тоска по утраченному раю, сколько деятельная попытка его смастерить из подручных, доступных средств. Наша память-коллаж сама выбирает то, что ей было мило, заново даря нам почти чувственную радость обладания. Мы погружаемся в прошлое, открывая для себя заново то, что раньше казалось банальным и скучным. Наверное, что-то подобное испытывает ребенок, когда он начинает строить замок из пляжного песка, чтобы потом без особых сожалений разрушить его. Азарт, восторг и беспричинную грусть все равно смоем волной. Но нам дано помнить, значит, мы живы. Мы не забыли тех, кто нам был дорог, кого любили, значит, нам есть что терять. Собственно, в серии фотографий, открывающих наш сборник, заключена, по-моему, формула ностальгии в ее самом чистом, первоначальном виде. Миг забытого триумфа, минута давно отшумевшего торжества, мгновенье коллективного счастья, длившегося не дольше, чем вспышка блица.

Все они были сделаны задолго до наступления эры *selfy*, которое, как известно, предельно упростило технологию изготовления фотографии на память, но и благополучно похоронила ее в безднах интернета, откуда почти ничего невозможно извлечь. Да и зачем? Пусть там и остается. А мы будем верны изобретению Гутенберга, — еще одному символу уходящего времени, — которому по привычке доверим наши скромные ностальгические богатства, включая старинные бусы из горного хрусталя.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ
Февраль 2015

**АНДРЕЙ
ТАРКОВСКИЙ-МЛАДШИЙ**

ПОСЛЕДНИЙ
СЪЕМОЧНЫЙ ДЕНЬ

1982

Я не был на съемках “Ностальгии”. Вначале в Италию уехал отец, потом долго не выпускали маму, но она все же вырвалась к нему. Мне разрешили приехать к ним только три года спустя, когда фильм давно прошел по всем экранам мира (кроме СССР, разумеется!), а сам Тарковский был уже очень болен. Но слово “Ностальгия” как-то очень рано отпечаталось в моем детском сознании, потому что первый вариант сценария будущего фильма был готов еще в 1977 году. А потом был документальный фильм об Италии, который отец снимал по заказу местного телевидения. И все разговоры крутились бесконечно вокруг этих его новых иностранных проектов. Потому что даже мне, двенадцатилетнему, было понятно, что в России работы для него нет или она случится еще не скоро. Помню, что вначале на главную роль в фильме планировался Анатолий Солоницын, но он как-то очень быстро отпал из-за своей болезни. Потом появился Александр Кайдановский, но о нем говорили, что он невыездной и Госкино его никогда не утвердит. Потом на роль Горчакова возникла кандидатура успешного и выездного Олега Янковского. Автор сценария Тонино Гуэрра, когда первый раз его увидел, спросил отца по-итальянски: “Андрей, а не слишком ли он для нас красив?” Выразился он, конечно, более смачно, как умел Тонино. Но поняла это только Лора, его жена. Она не стала переводить обидные выражения местного диалекта. Тем более что отец уже больше никого не видел в этой роли. И хотел снимать только Олега. Для меня “Ностальгия” — один из самых мрачных, самых беспросветных фильмов Тарковского. Там ведь просто физически ощущаешь, как сгущается тьма от кадра к кадру, и начинаешь задыхаться. И никакого просвета, кроме огонька свечи, еле теплящегося в ладонях главного героя. Но надежды нет, и тепла нет, и дома, куда можно было бы вернуться, тоже нет. Ничего из того, что так было важно отцу, к чему он стремился всю жизнь, но так и не сумел обрести. Вот о чем я думаю, когда гляжу на эту фотографию, сделанную в последний съемочный день “Ностальгии”. Все пытаются улыбаться и даже изображают веселье, а над ними пустые глазницы старинного полуразрушенного собора, в которых просвечивает зимнее небо Сан-Гальгано.

АЛЕНА ДОЛЕЦКАЯ

СЕКС НА КРАСНОЙ
ПЛОЩАДИ

2010

Жара, июнь, в тени +30. Веранда *Bosco Cafe* на Красной площади. Все эти тридцать человек, едва поместившиеся в кадре, и еще столько же в него не попавшие, сейчас кричат во всю глотку вместе со мной одно слово: “Секс”. На этом солнечном сборище с морем шампанского, цветов, черешни (верный М. Э. Куснирович, как всегда, руководит за кадром) я попрощалась с огромным куском своей жизни — с “*Vogue Россия*”. По иронии судьбы он ведь тоже начинался в двух шагах от Красной площади. Свою первую обложку мы сделали с Марио Тестино на балконе “Националя”. Кто не видел Кейт Мосс и Амбер Валлетту на фоне кремлевских башен, тот не знает историю русского глянца.

Прошло тринадцать лет, и круг замкнулся. Так резко менять сценарий жизни — это вам, конечно, не хухры-мухры, но мне не хотелось траура. Хотелось, чтобы прощание получилось красивым и веселым, чтобы на память у меня осталось фото моих верных друзей по жизни и любимых коллег по цеху — с радостными, счастливыми лицами. А ведь всего за минуту до щелчка фотоаппарата все эти красавицы и красавцы скорее напоминали греческий хор плакальщиц из трагедии Софокла.

...и тогда я крикнула: “Се-е-екс!”

На фото: Андрей Герцов, Полина Григорян, Катя Федорова, Анна Дюльгерова, Юлия Шарова, Лана Чесновицкая, Ксения Романова, Саймон Робинс, Наталия Водянова, Ольга Дунина, Наталия Чернова, Виктория Морозовская, Маша Минаева, Марина Сютяева, Оксана Семиряга, Ирина Маханева, Ирина Алексеева, Наташа Морозова, Таня Курносорова, Дима Фаст, Нелли Константинова, Наталья Октябрьская, Наталья Лучанинова, Сурьяна Волкова, Ольга Свиблова, Сергей Томаш.

АНТОН КРАСОВСКИЙ

ТАНЯ

1996

Это единственный снимок, где мы вместе с Таней, Татьяной Александровной Бек, моим руководителем поэтического семинара в Литинституте.

— Антон, — заявила мне Бек как-то, — твои стихи ни тебе, ни людям не нужны. А вот твои интервью нужны мне, Лазарю, “Вопросам литературы”. В воскресенье поедешь к Битову, я уже договорилась. Кстати, мне тут звонил Саша Шаталов, его зовут на НТВ делать передачу про книги. Он спрашивал, не хочу ли я пойти к нему редактором. Ну, я, конечно, не хочу, я уже не девочка. Давай ты пойдешь, тебе ж семью вроде кормить, а там долларов четыреста, наверно, заплатят.

Через неделю я уже получал тысячу двести. На столе стоял самый настоящий ПиСи, а не какая-то там пишмашинка.

— Ты со своей передачей вообще ничего не делаешь, — Таня позвонила прямо в редакцию.

— Я делаю! На этой неделе снял восемь сюжетов. Четыре гостя...

— Антон, где Битов? Ты с ума сошел?!

— Ну я не успеваю, Тань, не успеваю.

— Ты сволочь. Ты просто ленивая сволочь. Чтоб вечером пришел на вечер “Ариона”, а через неделю сдал интервью с Андреем.

Я не ленивый, я просто не успел. Не успел написать диплом, не успел даже к Тане на похороны. Был февраль, минус тридцать семь.

— Это тут отпевание сейчас? — храм у Ходынки был пуст и тих.

— Тут, тут, посидите пока.

— Да Татьяну ли отпевают? — удивился я, разморозившись через полчаса.

— Татьяну, да. Не торопитесь.

— Да Бек ли?

— Бек? Нет. Перфильеву.

Я бегал по этой Ходынке, в метели искал знакомые лица, тот настоящий, родной гроб. Не успел. Не нашел. Но, Танечка, благодаря Вам одно я точно успел понять: поэт я говенный. А литература, как сказал Битов в том самом интервью, — это лишнего не написать.

